

И. Г. ФРАНК-КАМЕНЕЦКИЙ

О некоторых пережитках до-флективного строя в древне-еврейском языке

К вопросу о развитии грамматических категорий

Характерной особенностью семито-хамитских языков является чрезвычайно выдвинутая роль местоименных суффиксов, присоединяемых к именным и глагольным основам, но также к предлогам и к так называемой *nota accusativi*. Означенные суффиксы имеют значение несклоняемых личных местоимений; выраженный ими падеж обусловлен способом их употребления. В соединении с именами местоименные суффиксы служат одновременно выражением *genitiv'a*, заменяя собой притяжательные местоимения. В соединении с *verb. finit.* те же в основном суффиксы выражают *accusativ*, изредка также *dativ* (*qetaltā-nī* 'ты убил меня'; *netatā-nī* 'ты дал мне'). В соединении с *infin. constr.* местоименные суффиксы выражают либо *genit.*, либо *nominat.*, *resp. accusat.*, в связи с двойственным значением *infinitiv'a* как *nomen verbale*: *be-molek-ō* 'когда он царствовал', собственно 'в его царствование'; *le-horge-kā* 'чтобы убить тебя'.

Нейтральность местоименных суффиксов в отношении выражаемого ими падежа ясно сказывается также в соединении их как с *nota accus.*, так и с предлогами, служащими для описательного выражения различных косвенных падежей.

Использование местоименных суффиксов в указанных выше аспектах является отголоском той ранней стадии развития строя речи, когда едва намечалась дифференциация личных и притяжательных местоимений, и в длительном процессе отделения глагола от имени, противопоставления субъекта и объекта действия, а также различения прямого и косвенного объекта постепенно выявлялось значение падежей как грамматических категорий. В древнеегипетском языке местоименные суффиксы, прибавляемые к именам для выражения притяжательных местоимений, в соединении с глагольной основой образуют одну из форм спряжения гла-

гола: *sḏm-f* 'он слышит', собственно 'его слушание'. Как наглядно показал В. В. Струве,¹ эта форма спряжения является описательной передачей глагольного предложения именным: *sḏm-f sw* 'он слышит то', 'его слушание есть то'. Используемое для передачи логического объекта самостоятельное местоимение (в 3 л. *sw*) обычно является подлежащим в именном предложении, играющем роль *Zustandssatz*'а и выражающем длительное действие или состояние. Таким образом, в египетской форме *sḏm-f* еще улавливается процесс отделения глагола от имени, поскольку глагольная основа снабжена местоименным суффиксом, формально выражающим *genitiv*, но в то же время играющим роль логического субъекта.

В семитских языках переход от имени к глаголу наиболее наглядно улавливается в аккадском *remansiv*'е, имевшем первоначально интранзитивное значение.² Служащие для образования этого спряжения суффиксы представляют собой сокращенные личные местоимения, присоединяемые одинаково как к именным, так и к глагольным основам: *šarr-ākū* 'я-царь'; *šalm-ākū* 'я здоров'. Весьма близко к аккадскому *remansiv*'у стоит — формально и по значению — египетский *pseudoparticip*, в основном сохранивший интранзитивно-пассивное значение.³ Что касается семитического *perfect*'а, то он применяется для спряжения как переходных, так и непереходных глаголов, но в последнем случае глагольная основа нередко сохраняет огласовку однозначного имени прилагательного *qatōn-ta* ← *qatōn ʔatā* 'ты мал', а в суффиксах, служащих для спряжения, мы легко узнаем отдельные формы самостоятельного личного местоимения.⁴ Таким образом во всех указанных формах спряжения мы, по существу, имеем дело с именным предложением: предикат, выражающий свойство, состояние или неопределенно длящееся действие, мог бы быть передан именем прилагательным или именной формой глагола. Однако, в выдвигании предиката на первое место и в наличной уже дифференциации личных и притяжательных местоимений намечается развитие в сторону глагольного предложения, выражающего связь субъекта и объекта в действии.

Дальнейшей особенностью семитического спряжения является непригодность глагольных суффиксов для комплексного выражения лица совокупно с числом или родом, как это имеет место при развитом флективном строе. Так, например, в суффиксальном спряжении суффикс 2 л. снабжается

¹ В докладе, читанном в ИЯМ в январе 1933 г.

² Meissner. *Kurzgef. assyr. Gr.*, 1907, стр. 36 и сл.

³ Erman. *Aegypt. Gr.*, § 328.

⁴ Kautzsch. *Hebr. Gr.*, §§ 43a, 44a.

отдельным окончанием множественного числа (*katal-tā*, *ketal-te-m* в евр. perf.; *šakn-ātā*, *šakn-āt-unū* в аккад. permans.; *sđm-ti*, *sđm-ti-wn* в егип. pseudo-partic.), а в 3 л. к глагольной основе прибавляется именное окончание женского рода (акк. *šakn*, *šakn-at*; арабск. *qatala*, *qatala-t*). В префиксальном спряжении только лицо выражается префиксом, между тем как для обозначения числа и рода использованы суффиксальные формативы. Так, например, для 2 л. имеем в еврейском: для ед. ч. *ti-ktōl* (м. р.), *ti-qtel-ī* (ж. р.), для мн. ч. *ti-qtel-ū* (м. р.), *ti-qtōl-na* (ж. р.). Таким образом в семитическом спряжении лицо, число и род иногда еще передаются отдельными частицами, как это имеет место в языках агглютинативного строя. Аналогичное явление мы наблюдаем и в грузинском, который, будучи в основном языком флективного строя, все же допускает раздельную передачу лица и числа:¹ *v-stav* 'тку', *v-stav-θ* 'мы ткем'. И здесь, как в семитическом спряжении, лицо выражено префиксом (*v-*), число—суффиксом (*-θ*).

Учитывая отмеченные отголоски до-флективного строя в семитических языках, естественно с той же точки зрения подойти к рассмотрению некоторых, нечасто встречающихся оборотов в древнелитературном еврейском (так наз. библейском) языке, которые формально представляются отступлениями от господствующей в языке нормы и при статическом подходе не могли получить надлежащего разъяснения в традиционной грамматике. В настоящей статье мы намерены остановиться: 1) на плеонастическом обозначении объекта именем и местоименным суффиксом и 2) на описательной передаче genitiv'a при помощи possessивного суффикса. В указанных явлениях мы склонны видеть пережитки до-флективного строя, сохранившиеся в языке благодаря использованию их для конструирования сложно-подчиненного предложения, почему попутно придется остановиться на процессе развития различных видов придаточных предложений.

Как известно, семитический глагол, помимо местоименных частиц, выражающих субъект, может принимать местоименные суффиксы для обозначения объекта. Обычно объектный суффикс наличен лишь в том случае, когда конкретный объект предполагается известным, или же когда в письменной речи имя, выражающее объект, дано в предшествующем тексте. Но в некоторых весьма немногочисленных примерах мы находим

¹ Н. Я. Марр. Грамматика грузинского языка, § 147.

объектный суффикс при глаголе и в том случае, когда имя, выражающее объект, образует часть данного предложения:

Ех. 2, 6: wa-ti-rġē-hū ŗet ha-yeled ‘она увидела *ego* || ребенка’.

I Sam. 21, 14: wa-ye-šap-ō ŗet tašam-ō ‘он изменил *то* || свой вид’.

Ez. 3, 21: hi-zhar-t-ō šādīk ‘ты вразумил *ego* || праведника’.

Ех. 35, 5: ye-bīš-ēhā ŗet terū-mat Iahve ‘он принесет *то* || приношение Яхве’.

Est. 7, 5: melāš-ō lib-ō ‘он наполнил *то* || свое сердце’.

При подходе к семитическим языкам с меркой флективного строя, как мы наблюдаем его в языках индо-европейской системы, указанная конструкция естественно вызывает недоумение особенно в тех случаях, когда, как в приведенных примерах, именной объект следует непосредственно за глаголом, снабженным объектным суффиксом. В отдельных случаях исследователи обнаруживают склонность оспаривать подлинность текста, причем иногда пытаются на том или ином основании устранить объектный суффикс при глаголе, иногда же в именном объекте подозревают глоссу. Так, по поводу приведенного текста Ех. 2,6 Kautzsch¹ замечает в скобках: «falls ’הַלֵּךְ־לְךָ nicht spätere Glosse», а в следующем примере (I Sam. 21,14) предлагается читать לְךָ־שָׁמַיִם вместо לְךָ־שָׁמַיִם.² Но поскольку текст представляется подлинным, рассматриваемую конструкцию пытаются истолковать как *permutativ*, полагая, что именной объект дан для пояснения предшествующего местоименного суффикса.³ Подобная трактовка вопроса явно бьет мимо цели, ибо совершенно очевидно, что в разъяснении нуждается не наличие именного объекта в предложении, а повторное обозначение объекта в глагольном суффиксе. Последнее обстоятельство особенно бросается в глаза в тех случаях, когда объект, выраженный в предложении местоименным суффиксом при *nota accus.*, повторно обозначен объектным суффиксом при глаголе:

Ier. 30,14: šekēq-ū-k ŗōt-āk ‘они забыли тебя || тебя’

I Sam. 15,18: šad kalō-tā-m ŗōt-ām ‘пока ты истребишь их || их’

2 Reg. 9,27: gam ŗōt-ō haš-ū-hū ‘и его бейте его’.

В последнем примере слова gam ŗōtō несколько искусственно трактуются⁴ как «*unvollständiger Satz*», поясненный самостоятельным предло-

¹ Hebr. Gr., § 131 m.

² Там же, стр. 432, прим. 2.

³ Там же, § 131 k-m.

⁴ Там же, § 147 с.

жением *hakūhū*. Однако, в первых двух примерах, не учтенных вовсе грамматикой Kautzsch'a, мы явно имеем дело с тавтологическим обозначением объекта при помощи двух тождественных местоименных суффиксов (при глаголе и при *nota accus.*). В третьем примере мы имеем дело с подчеркнутым объектом (*Hervorhebung*), но и в таких случаях повторное обозначение объекта в глагольном суффиксе на ряду с местоименным суффиксом при *nota accus.* (*ʕōt-ō hak-ū-hū*) отнюдь не обычно:

Ies. 8,13: 'Яхве Саваоф' *ʕōt-ō taqdīshū* 'его чтите'.

1 Sam. 15,9: 'Всякая вещь'... *ʕōt-ā heqerīmū* 'ее они истребили'.

Здесь, как и в других примерах (*Gen.* 24,14; 47,21), наличие местоименного суффикса при *nota accus.* делает излишним объектный суффикс при глаголе. Только в тех случаях, когда в целях *Hervorhebung* использовано самостоятельное личное местоимение, которое формально не может служить грамматическим объектом, последний находит выражение в объектном суффиксе при глаголе:

Gen. 49,8: 'Иуда' *ʕatā yōdū-kā ʕāqēkā* 'ты — тебя восхвалят твои братья'

Koh. 2,15: 'Что случается с глушцом' *gam ʕanī uqrē-nī* 'и я — оно достигнет меня'.

Итак, в тех случаях, когда грамматический объект выражен в предложении именем или местоименным суффиксом при *nota accus.*, повторное обозначение объекта глагольным суффиксом не может быть объяснено на почве *permutativ'a* или *Hervorhebung*. Далее, обращает на себя внимание плеонастическое выражение субъекта (именем и местоименным суффиксом при глаголе), что совершенно обычно при префиксальном спряжении. В отдельных, весьма редких случаях, мы находим в предложении двойное обозначение как субъекта, так и объекта.

2 Reg. 16,15 (*ket.*): *wa-ye-ʕawē-hū hamelek...* *ʕet ʕūgūā* 'царь || он приказал ему || Урии' (в евр. — прямой объект).

1 Reg. 21,13 *wa-ye-ʕid-ū-hū ʕanšē hablūaʕal ʕet Nābōt* 'эти негодные люди || они уличили его || Навуфея'.

Фраза построена по типу грузинской парадигмы *kaʕi s-ter-s ʕerlsa* 'человек || он пишет то || письмо'.¹ Но то, что для грузинского языка является нормой, то в древнееврейском встречается лишь в виде весьма

¹ Н. Я. Марр. Грамматика грузинского языка, § 145.

редкого исключения. К приведенным примерам можно прибавить еще следующий:

Prov. 5,22: $\xi aw\bar{o}n\bar{o}t\bar{a}w$ $y\bar{i}$ - $lq\bar{e}d$ - $\bar{u}$ - $n\bar{o}$ set $h\bar{a}r\bar{a}sh\bar{a}\xi$ 'его грехи || они улавливают его || нечестивого', вместо: 'грехи нечестивого улавливают его'.

Kautzsch и здесь сомневается в подлинности местоименного суффикса при глаголе.¹ В данном случае дело осложняется двойной ролью в предложении слова $g\bar{a}sh\bar{a}\xi$, выражающего одновременно *accusat.* и *genit.*, служа объектом по отношению к глаголу и определением по отношению к субъекту ($\xi aw\bar{o}n\bar{o}t$). При этом *genitiv* выражен описательно при помощи possessивного суффикса. При использовании *status constr.* слово $g\bar{a}sh\bar{a}\xi$ в качестве *genitiv*'а должно следовать непосредственно за определяемым словом, чем исключается применение к нему, как выражению объекта, *nota accus.* Мы получаем новую конструкцию фразы с постановкой объекта впереди глагола (и без *nota accus.*):

Prov. 11,3: $tumat$ $yesh\bar{a}r\bar{i}m$ ta - $n\bar{q}\bar{e}$ - m 'невинность праведных — она ведет их'.

Здесь, как и в целом ряде аналогичных примеров (Prov. 10,24; 11,6; 12,6; 12,26; 14,3), содержащих *stat. constr.*, объектный суффикс при глаголе выполняет определенную функцию, указывая, какое из двух предшествующих имен является объектом действия. Приведенная выше конструкция (Prov., 5,22), несомненно, архаичнее, поскольку в ней отсутствует *status constr.*, и наличие объектного суффикса при глаголе на ряду с последующим конкретным объектом, введенным с *nota accus.*, представляется здесь, как и во всех приведенных выше примерах, излишним балластом, отнюдь не способствующим более точному выражению наличных в предложении взаимоотношений. При переводе на язык индо-европейской системы глагольный суффикс отпадает.

В приведенных примерах повторной передачи объекта в еврейском, как и в аналогичной конструкции, нормальной для грузинского языка, мы имеем дело с пережитком более ранней стадии речевого строя. Подобное явление в той или иной мере свойственно языкам американских туземцев, характеризуемым обычно как инкорпорирующие языки. Здесь глагольное предложение, как выражение связи субъекта и объекта в действии, может быть передано, как и в еврейском, одним словом, поскольку глагол снабжается местоименными частицами, обозначающими как субъект, так и

¹ Hebr. Gr., стр. 432, прим. 2.

объект, иногда не только прямой, но и косвенный. При отсутствии конкретного объекта, глагол все же снабжен неопределенными местоимениями, указывающими на прямой (resp. прямой и косвенный) объект. Вместо того, чтобы сказать: 'я ем', говорят: *ni-tla-qua* 'я нечто ем': вместо 'я даю' — *ni-te-tla-masa* 'я кому-то нечто даю', И «без подобных дополнительных определений глагол, по представлениям мексиканцев, немислим».¹

Особенность мышления, получающего выражение в подобных оборотах, заключается в том, что действие еще не может быть выражено в общем виде без непосредственного указания на субъект и объект. И только путем присоединения местоименных частиц (для обозначения субъекта и объекта) к основе, занимающей промежуточное положение между именем и глаголом (наподобие *infinitiv*'а или *particip*'а), происходит обособление глагола от имени, как отличных друг от друга частей речи.

Одновременно, на почве дифференциации личных и притяжательных местоимений, совершается переход от именного предложения к глагольному. Фраза, формально выражающая: 'его слушание (есть) то', получает значение: 'он слышит то'.² Но для того, чтобы предикат именного предложения ('его слушание') получил значение *verbum finitum*, необходимо, чтобы прибавляемый possessивный аффикс приобрел характер личного местоимения с номинативным значением ('его' → 'он': 'твой' → 'ты' и т. д.) в отличие от другого местоимения, служившего субъектом именного предложения, но получившего теперь аккузативное значение в качестве логического объекта глагольного предложения. При отсутствии в языке технических средств для обозначения грамматического падежа различие субъекта и объекта (*nominat.* и *accusat.*) может быть выражено лишь путем дифференциации самих личных местоимений.

Так, в древнеегипетском мы находим две параллельные группы личных местоимений, из коих одна, формально тождественная с possessивными суффиксами, используется для обозначения субъекта действия, а другая, имеющая нередко номинативное значение в именных предложениях, служит для обозначения субъекта при *verbum finitum*. В семитических языках мы наблюдаем обратное явление: possessивный суффикс служит для выражения объекта при *verbum finitum*, а для обозначения субъекта в суффиксальном спряжении использованы личные местоимения, употребительные также в именных предложениях. Отмеченное различие показывает, что речь идет

¹ См. Humboldt «Kawi-Sprache», т. 1 (Berl., 1836), стр. CLXXXI и сл.; см. также E. Cassirer «Philos. d. symbol. Formen», I, стр. 239.

² См. выше, стр. 168.

о постепенном приспособлении личных местоимений (первоначально нейтральных в отношении выражаемого ими падежа), для обозначения то *nominativ'a*, то *accusativ'a*, причем указанная дифференциация в разных языках осуществляется разными способами. Но только в сочетании обоих видов личного местоимения номинативного и аккузативного, с основой, выражающей состояние или длительное действие, впервые возникает глагол как грамматическая категория; ибо действие первоначально мыслится лишь во взаимоотношении субъекта и объекта. При наличии в предложении конкретного объекта (выраженного именем), на ряду с последним сохраняется и объектный суффикс, первоначально необходимый для образования глагольной конструкции. Отсюда плеонастическое обозначение объекта ('она увидела его || младенца'), конкретно сохранившееся в ряде приведенных выше примеров в древнелитературном еврейском. По мере развития флективного строя и соответственного усиления абстрактности мышления, субъектный аффикс глагола приобретает характер особого формата для образования *verbum finitum*; становится возможным выражение действия в общем виде: 'он видит', 'он слышит' — без указания конкретного объекта, а при наличии последнего, объектный суффикс, не необходимый более для образования глагольной конструкции, отпадает, если он не выполняет какой-либо определенной функции в предложении.

Повод для сохранения объектного суффикса при глаголе на ряду с конкретным объектом имеется в том случае, когда субъект и объект стоят друг к другу в отношении *status constr.*

Prov. 12,26: *derek gepāzīm ta-tezē-m* 'путь нечестивых вводит их в заблуждение'. Аналогичные примеры (Prov. 10,24; 11,6; 12,6; 14,3) указаны выше в другой связи. Здесь местоименный объект сохраняется и в русском переводе, поскольку конкретный объект является в то же время *genitiv'om* по отношению к субъекту. Но иногда мы находим объектный суффикс при глаголе и в том случае, когда конкретный объект (введенный при помощи *nota accus.* или без нее) определен *genitiv'om*, выраженным при посредстве *stat. constr.*

1 Sam. 25,29: *ʕet nefesh ʕōuebē-kā ye-qal ʕe-nā* 'душу врага твоего — он отбросит *ee*'.

Ez. 32,8: *kol meʕōgē ʕōr... ʕa-qdīre-m* 'все сияющие светила — я омрачу *их*'.

Аналогичные примеры: Gen. 21,13; Ez. 11,5; Hi 31,37. В таких случаях местоименный объект представляется в переводе излишним; он может отсутствовать и в древнееврейском, что отнюдь не меняет ни значения, ни

тона высказанного, безразлично, введен ли конкретный объект с *nota accus.* (Ies. 5,12; 5,24) или без нее (1 Sam. 2,9; Ps. 116,13; Ies. 1,11). Можно указать пример (Ps. 90,17), когда одна и та же фраза дана два раза подряд, во второй раз с объектным суффиксом при глаголе, в первый раз без него, что в данном случае несомненно вызвано соображениями ритма.¹

Ps. 90,17: maʒasē yādēnū kōnenā ʒālēnū
 ūmaʒasē yādēnū kōnenē-hū
 'дело рук наших утверди для нас,
 и дело рук наших утверди *то*'.

В слитном предложении нередко находим объектный суффикс при глаголе, когда один объект относится одновременно к двум глаголам — Ies. 41,12: te-baqšē-m welō tī-mšāʕē-m ʕanše mašūtekā 'ты будешь искать *их* и не найдешь *их*, врагов твоих' — или же при двух и более объектах, относящихся к одному глаголу. При этом нередко находим также повторное обозначение субъекта (самостоятельным местоимением на ряду с субъективным аффиксом при глаголе): 'север и юг' ʕātā berāʕtā-m 'мы сотворил *их*' (Ps. 89,13). Аналогичные примеры: Ps. 74,17; 89,12; Ez. 44,29 (3 объекта); Ez. 16,58 (с *nota accus.* при обоих объектах). Но и в таких случаях наличие объектного суффикса при глаголе отнюдь не обязательно: Gen. 3,18, Ies. 1,14; Ps. 94,6 (объектный суффикс отсутствует при двух объектах, стоящих впереди глагола).

В древнеегипетском, где сохранился еще твердо определенный порядок слов (для глагольного предложения: глагол — субъект — объект), постановка именного объекта впереди глагола, в целях *Hervorhebung*, влечет за собой повторное обозначение объекта местоимением непосредственно позади глагола. Древнееврейский синтаксис допускает, как известно, постановку объекта впереди глагола без повторного обозначения объекта местоименным суффиксом при глаголе, безразлично введен ли именной объект с *nota accus.* (Gen. 3,10; 24,8; Ps. 119,8), или без нее (Gen. 3,14; 30,40; Ps. 119,22 и др.). Даже при сугубо подчеркнутом объекте, поставленном впереди глагола, объектный суффикс может отсутствовать: wegam gemalēkā ašqē 'и верблюдов твоих я напою' (Gen. 24,14). Нередко, однако, постановка объекта впереди глагола и здесь влечет за собой повторное обозначение его глагольным суффиксом: mesaneʕay a-šmitē-m 'мои враги — я сокрушу их' (Ps. 18,41; Ps. 145,6, ср. Ier. 25,31; Hi 37,23; Ies. 42,3;

¹ Gunkel (Psalmen, 1926) произвольно отбрасывает слово ʒālēnū и последующую фразу, как позднейшее добавление.

59,12; Prov. 30,13). Но, как указано выше, наличие объектного суффикса отнюдь не обязательно; иногда в двух параллельных фразах глагол дан то с объектным суффиксом, то без него:

Ies. 53,4: qolāyēnū hū nāsā¹ | ūmakʾōbēnū sebālā-m 'наши болезни он нес | и наши страдания он нагрузил *их* (на себя)'.
 В первой фразе суффикс отсутствует, несмотря на то, что между объектом и глаголом стоит местоимение hū.

Относительная свобода в выборе конструкции указывает на то, что по мере развития флективного строя язык не ощущает более прямой необходимости в объектном суффиксе при наличии конкретного объекта в предложении. В поэтической речи присутствие или отсутствие суффикса нередко обусловлено ритмическими соображениями. Но в процессе образования сложно-подчиненного предложения глагольный суффикс, служа указанием на стоящий вне данной фразы конкретный объект, приобретает особенно важную функцию. Постановка объекта перед глаголом с повторным обозначением его в объектном суффиксе придает фразе характер относительного предложения: ʕelōhīm lō yedāʕū-m 'боги — они не знают их' (Dt. 32,17) получает значение: 'боги, которых они не знают'. При отсутствии относительных местоимений глагольный суффикс является единственным средством для установления связи между относительным предложением и определяемым словом: geber ʕabāg-ō yaʕūn (Ier. 23,9) 'человек — вино обессилило его' в значении: 'человек, которого обессилило вино'. Таким образом сложно-подчиненное предложение получает выражение путем простой постановки рядом двух самостоятельных предложений, причем общий для обоих предложений объект, данный в одном предложении в виде имени, в другом обозначен местоименным суффиксом: piṭekā ʕākaltā te-qīʕe-ñā (Prov. 23,8) 'твой кусок ты съел — ты изрыгнешь его', в значении: 'ты изрыгнешь кусок, который ты съел'.

Когда конкретный объект выражен не именем, а причастной формой глагола, управляющего в свою очередь другим объектом, связь придаточного предложения с главным выражена в объектном суффиксе при глаголе главного предложения: rōgēḥ gādēg uššeke-ñū nāqāš (Eccl. 10,3) 'проламывающий ограду — змея ужалит его' в значении: 'кто проламывает ограду, того ужалит змея'. Нередко глагольный суффикс сохраняется и в том случае, когда придаточное предложение введено при помощи *nota relationis*:

¹ Budde (см. Kautzsch «Heil. Schr. d. A. T.») предлагает прибавить суффикс, а во второй фразе — местоимение hū; то и другое в ущерб требованиям ритма.

te-yaḡeḡē-ñū ṣasher lō yādaḡ (Eccl. 10,15) 'она утомит его — он не знает' в значении 'она утомит того, кто не знает' (ср. Lev. 13,57—ti-srefe-ñū ṣēt ṣasher) — где объектный суффикс наличен при глаголе, несмотря на nota accus. на ряду с nota relationis. Во всех рассмотренных примерах глагольный суффикс заменяет собой относительное местоимение, указывая на то, что тот или другой член придаточного предложения (resp., придаточное предложение в целом: см. Lev. 13,57) является конкретным объектом для глагола главного предложения.

Процесс образования подобных конструкций становится понятным, если мы допустим, что повторное обозначение конкретного объекта местоименным суффиксом является для до-флективной стадии обычной и нормальной. Первоначально глагол снабжен объектным суффиксом и в том случае, когда именной объект образует часть данного предложения. По мере того как становится возможным выражение действия в общем деле, объектный суффикс не является более необходимым для образования глагольной конструкции, как таковой, и при наличии именного объекта язык допускает двоякую конструкцию: с объектным суффиксом и без него. Вторая из указанных конструкций постепенно становится господствующей: в письменном языке объектный суффикс на ряду с именным объектом сохранился, как мы видели, лишь в единичных случаях, производящих впечатление «исключений». Но объектный суффикс глагола естественно сохраняется во всех случаях, когда является надобность обозначить объект, выраженный именем в смежной фразе. Отсюда использование объектного суффикса для выражения связи между относительным предложением и определяемым словом, а также вообще для установления связи между главным и придаточным предложениями, как мы наблюдаем это в рассмотренных примерах. Таким образом, архаическая конструкция, изредка наблюдаемая и в простом глагольном предложении, приобретает роль технического средства для построения сложно-подчиненного предложения, и в этой новой функции, как и в слитных предложениях и в разговорном языке, она сохраняет свое значение и получает разнообразное применение.

Другой случай использования архаической конструкции для построения сложно-подчиненного предложения мы находим в описательной передаче genitiv'a при помощи possessивного суффикса. В поэтической речи подобный оборот нередко находим в простом именном предложении: определение, выраженное именем существительным в так называемом «casus pendens», стоит как бы вне предложения, а к определяемому слову, служащему субъектом именного предложения, прибавлен possessивный суффикс 3 л.

Nah. 1,3: Jahwe besūfā dark-ō 'Яхве — в буре путь его'.

Ps. 11,4 Jahwe bašāmauim kisf-ō 'Яхве — в небе трон его'

Ps. 18,31: Nāḥēl tāmīm dark-ō 'бог — непорочен путь его'.

В этих примерах определение выдвинуто на первое место: между ним и определяемым словом стоит предикат именного предложения: 'Яхве — в буре путь его', вместо: 'путь Яхве в буре'. Традиционная грамматика¹ относит подобные фразы к числу «сложных» предложений, характеризуя определение как «Hauptsubjekt», предикат которого выражен именным предложением. При этом выделение определения (по Kautzsch'у: Hauptsubjekt) из фразы придает последней особую выразительность, «wie es durch einen einfachen Nominal- oder Verbalsatz (z. B. Nah 1,3 durch הַבּוּרָה יְהוָה יֵצֵא וְיִשְׁפָּט) nicht entfernt geschehen könnte».² Нужно, однако, заметить, что выразительность фразы отнюдь не исчезает в том случае, когда genitiv выражен при помощи stat. constr. и в связи с этим определение стоит позади определяемого слова. Такие фразы, как: qōl Jahwe ʕal hašāmauim 'глас Яхве над водой', или: qōl Jahwe baḥbāq 'глас Яхве силен' (Ps. 29,34) звучат не менее патетически, чем приведенные выше примеры. И здесь логическое ударение лежит не столько на определяемом слове ('глас'), сколько на определении ('Яхве'), хотя при передаче genitiv'a посредством stat. constr. определение стоит позади определяемого слова.

То обстоятельство, что язык допускает двоякую возможность при передаче одной и той же мысли, может служить указанием на различные стадии в развитии строя речи. Из двух параллельных конструкций наиболее поздним является, несомненно, оборот с stat. constr. При отсутствии в языке технических средств для обозначения genitiv'a, последний выражен описательно при помощи possessивного суффикса. Структура фразы выступает нагляднее в тех примерах, в которых определение не отделено от определяемого слова предикатом именного предложения.

Ies. 3,12: ʕaḥī nōgešā-w meʕōlēl 'мой народ — приставники его — негодяи', вместо: 'приставники моего народа (суть) негодяи'.

Eccī. 2,14. heqākām ʕēynā-w beḡōš-ō 'мудрец — глаза его в голове его', вместо 'глаза мудреца в его голове'.

И в этих фразах логическое ударение лежит на определении; но это обстоятельство отнюдь не исключает того, что в целях выразительности речи использован архаический оборот до-флективной стадии. В агглютина-

¹ Kautzsch. Hebr. Gr., § 143 а-с.

² Там же, § 143 с.

тивных языках мы нередко находим подобное выражение *genitiv*'а как пережиток аморфно-синтетического строя, когда связь двух имен могла быть выражена только определенным расположением их во фразе. При этом определение предшествует определяемому слову, которое снабжается посессивным суффиксом. Так, в абхазском языке понятие 'нога волка' выражено посредством 'волк его нога'.¹

Подобную передачу *genitiv*'а мы нередко находим и при наличии во фразе *verbum finitum*, с вынесением на первое место определения, поясняющего именной субъект глагольного предложения: *ʕefraim kāʕōf yitʕōfēf kebōd-ām*² (Нос. 9,11) 'Эфраим — как птица улетит слава их', вместо: 'слава Эфраима улетит как птица'. Аналогичные примеры: Gen. 34,8; 1 Sam. 2,10; Ps. 46,5. В последнем из указанных примеров субъект стоит впереди глагола и определяемое слово следует непосредственно за определением: *nāhār relāgā-w yesameqū ʕīr* 'поток — ручьи его веселят город', вместо 'ручьи потока веселят город'.

Во всех приведенных примерах, в которых вместо *status constr.* находим постановку определения впереди определяемого слова, снабженного посессивным суффиксом, фраза, взятая вне контекста, может иметь двоякий смысл: 'Яхве — трон его в небе' может означать: 'трон Яхве в небе', но может означать также относительное предложение: 'Яхве, трон которого в небе'. В отношении данного примера (Ps. 11,4) перевод является спорным,³ поскольку контекст не содержит достаточных данных для решения вопроса. В других случаях при указанной конструкции имеем бесспорно относительное предложение: 'Там гнездятся птицы' — *qasidā berōšim bēyt-ā* 'аист, дом которого — кипарисы' (Ps. 104,17). По тому же типу построены относительные или вводные предложения, указывающие (в форме именного предложения) имя действующего лица в глагольном предложении.

II Sam. 20,21: *ʕīš Šebaʕ šem-ō nāsāʕ yādō* 'человек — Шеба имя его — поднял руку свою' (т. е. 'человек, по имени Шеба, поднял руку').

Zach. 6,12: *ʕīš ʕemaq šem-ō umtaqtā-w yūmaq ubānā* 'человек-Цемах имя его — и из его почвы произрастет — он построит'... (т. е. 'человек по имени Цемах, из почвы которого произрастет, построит'...). Определение (*ʕīš*), поставленное в начале фразы, поясняет оба вводных предложения, в которых оно повторно обозначено посессивным суффиксом. Другой вид сочетания предложений получается тогда, когда определение,

¹ См. Н. Я. Марр «Яфетическая теория», Баку, 1928, стр. 133.

² Суфф. стоит в множ. ч., так как 'Эфраим' служит обозначением коллектива.

³ См. Gunkel «Psalmen», 1926.

помещенное впереди определяемого слова, является объектом другого предложения: *gā'īti kol geber yādā-w ʕal qalāḏa-w* Jer. 30,6): 'я видел каждого мужчину — рука его на бедрах его', в смысле: 'я видел, что у каждого мужчины руки (были) на бедрах'. Здесь мы имеем передачу подчиненного предложения путем простой поставки рядом двух (формально) самостоятельных предложений, связь которых между собой выражена исключительно при помощи possessивного суффикса, относящегося к имени, которое, служа объектом главного предложения, является в то же время определением для следующего за ним субъекта придаточного предложения.

Другой способ передачи сложно-подчиненного предложения при помощи паратаксиста мы находим тогда, когда определение, стоящее впереди определяемого слова, выражено причастной формой глагола, управляющего именным объектом, который в свою очередь может получить определение при помощи *status constr.*

Gen. 9,6: *šōfek dam hā'ādām bā'ādām dam-ō ušāfek* 'проливающий кровь человека — человеком его кровь будет пролита', т. е. 'кровь того, кто проливает человеческую кровь, будет пролита человеком'.

Prov. 22,11: *ʕōheb tehār leb qēn sefātā-w rēḏē-hū melek* 'любящий чистоту сердца |уста его приятны| друг его — царь', т. е. 'кто любит чистоту сердца, чьи уста приятны, тому царь (будет) другом'.

При отсутствии относительных местоимений, как и других технических средств для построения сложно-подчиненного предложения, язык использует архаическую передачу *genitiv'a* при помощи possessивного суффикса, как единственное средство для выражения связи между отдельными предложениями, образующими одно синтаксическое целое. На этой почве архаическая передача *genitiv'a* не только сохраняется, но и получает дальнейшее развитие, несмотря на наличие *status constr.*, при котором *genitiv*, следуя непосредственно за определяемым словом, образует с ним одно понятие. Замена этой конструкции при помощи possessивного суффикса дает возможность выделить конкретное определение из контекста данной фразы, благодаря чему имя (*resp. particip*), служащее определением, может в то же время быть главной составной частью смежного предложения.

Таким образом здесь, как в плеонастической передаче объекта (именем и местоименным суффиксом), сохранение пережиточной конструкции обусловлено новой функцией, которую приобретает архаическая форма в процессе образования сложно-подчиненного предложения.